

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Л. С. КОВТУН

О НЕЯВНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ
(К истории значений слов)

1. История есть не только у значений слов, которые со временем явно преобразуются в иные, но и у тех из них, которые представляются нам неизменными. Что стоит за многовековой устойчивостью подобных значений? Обнаруживая постоянство отличительных признаков, они получают и не могут не получить в словарях одинаковое или максимально близкое истолкование. Определения их совпадают независимо от того, относится ли лексикографическое описание к древнему состоянию языка или к более поздним его этапам. Однако история значений не сводится к истории выражаемых словами понятий. Реализация понятия в значении происходит в конструктивных, фразеологических и стилистических условиях, определяемых системными отношениями лексического фонда языка в известный период его развития, а условия эти не одинаковы.

Один из признаков развития значения — изменение лексических связей, в которых оно проявляет себя в языке, так сказать, движение внутри значения, изменение его объема¹. Эволюцию сочетаемости можно обнаружить при анализе любого свободного (переменного) значения.

Подвергнем анализу лишь один из типов лексических связей одного из слов, сохраняющегося в словарном фонде русского языка с древнейшего периода до наших дней, а именно слова *давний*. Все русские словари, толковые и исторические, одинаково определяют его значение, весьма устойчивое (с XI в. по XX в.), как «бывший задолго до настоящего времени, прежний»². Однако при чтении древних текстов, например, «Слова о полку Игореве», ощущается необычность некоторых сочетаний слова *давнии*: «Ты бо Олег мечем крамолу коваше, и стрелы по земли сеяше... Тои же звон слыша давнии великий Ярослав, а сын Всеволожь Владимир по вся утра упи закладаше в Чернигове»³. Материалы нового вре-

¹ Термин «объем значения», соотносительный с логическим термином «объем понятия», представляется здесь уместным, так как речь идет либо об утрате связей слов, либо о развитии их при сохранении основных содержательных признаков значения.

² Из этого не следует, конечно, что формулировка значения выражена непременно в тех же словах. У И. И. Срезневского, например, слово *давнии* имеет лишь латинский перевод *antiquus* («Материалы для словаря древнерусского языка», СПб., 1893—1903, I, стлб. 623).

³ «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“», 2, Л., 1967, стр. 8. Ничто не мешает нам, исходя из современного языкового сознания, понять и истолковать слово *давнии* в подобных контекстах как «живший задолго до нашего времени» и тем самым отграничить утраченную связь от тех, которые сохранились. Несомненно, однако, что это было бы модернизацией древнего значения.

мени не дадут аналогий⁴. Напротив, в древних текстах, в том числе и периода, к которому относится «Слово о полку Игореве», связь прилагательного *давний* с одушевленными существительными, даже и именами собственными, обычна. Ср. в Ефремовской кормчей (XII в.): «Лукиан некто, не яко ныня, в лета Костянтина быв, нъ *давний*, вся по Маркияну пропевае». В Лаврентьевской летописи (под. 1176 г., список 1377 г.): «ростовци и суждальци *давний*». В «Пандектах» Никона черногорца (XIV в.): «всех, иже в пустыне *давних* отьць же и братья, в неутешимы плачь въведе»⁵.

Итак, иной тип связи в пределах того же значения в текстах разной хронологической отнесенности — признак произошедших в лексической системе перемен. Если бы в исторических словарях фиксировались изменения связей слов, их появление и утрата, это могло бы служить важным критерием датировки текста.

Мена связей внутри значения одного из слов — результат семантических перегруппировок в словарном составе, вызванных развитием языка. Смысловая структура слова *давний* изменялась не автономно, а в соотношении с другими словами, в первую очередь в контакте со словами близких значений — *древний*, *старинный*, *прежний*, *давнишний*, *былой* (возможно, и многими другими). В регулярности процесса изменения сочетаемости легко убедиться, наблюдая в памятниках древнерусского языка XI—XVI вв. указанный тип сочетания (с одушевленными существительными) не только у слова *давний*, но и у слов *древний*, *старинный*, *прежний* (для первого из них документация наиболее ранняя)⁶. Напомним, что в данном рассмотрении речь идет не о каком-то типе соединения слов вообще, а лишь о таких лексических связях, при которых возникает интересное нас устойчивое значение, в нашем случае в применении к слову *давний* — «бывший задолго до настоящего времени, прежний». Оно имело у анализируемого слова и восемь веков назад, но, как видим, с тех пор изменились разряды возможных соединений⁷. Отмечено лишь одно из изменений в длительно сохраняющемся значении — утрата известного типа сочетаемости. Отчетливость примера удобна для общего рассуждения.

Наборы лексических связей характеризуют употребление слова в разные периоды и в разных условиях, но изменение их, как убеждает исследование материала, не всегда соотносится с переменной тех характер-

⁴ В древних памятниках немало и других связей слова *давний*, частично совпадающих с теми, которые встречаются в текстах XIX—XX вв. Например: «из *давных* лет обрестоста». Пат. Сян. (XI в.), «*давный* он обычаи творять». Хрон. Амарг. (XIII—XIV в. ~ XI в.), «*паки* ли поминаешь *давныя* тяжа». Ипат. лет. (под 1190 г., список XV в.) и др. См.: «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“», 2, стр. 8, 9.

⁵ «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“», 2, стр. 8, 9.

⁶ Ср.: И. И. С р е з н е в с к и й, указ. соч., I, стлб. 722 п сл. Обращают на себя внимание два обстоятельства: а) слова *древний*, *старинный*, *давний*, *прежний* в ходе развития получали все более четкое, хотя и оттеночное различие (ср. наиболее отчетливое в современном языке расхождение: *древний* «очень давний, относящийся к отдаленному прошлому» — *прежний* «бывший перед этим, предшествовавший настоящему»; б) для языка нового времени оказывается естественным лишь последний из вариантов связи с одушевленными существительными в указанном значении, а именно: *прежние* посадники, *прежние* цари. Но слово *прежний* в древнерусском языке могло употребляться в значении, очень близком к тому, которое сейчас имеет слово *древний*, так как его исходным значением было «передний», т. е. «идущий или происходящий ранее других, прежде, чем все другие».

⁷ Следует оговориться: слово *давний* и в современном языке легко вступает в сочетание с одушевленными существительными (*давний* друг, *благодетель*, *враг*), однако при этом возникает иное значение — «существующий в течение очень долгого времени; старый». Ср. «Словарь современного русского литературного языка» (в 17 томах — далее ССРЛЯ), 1948—1965, III, стлб. 533.

ных признаков, по которым определяется его логическое содержание. Это и делает значение устойчивым и подвижным одновременно.

Сохранение от эпохи к эпохе известного, причем существенного в разных отношениях, фонда слов и значений обеспечивает непрерывность общения на данном языке. Вместе с тем постоянство не исключает, а предполагает развитие. В языковой системе происходит эволюция даже и самого устойчивого, что и позволяет ей применяться к новым условиям.

2. К анализу поставленной проблемы можно подойти и с иной стороны, взяв вместо изменчивой связи слов при устойчивости значения такое соединение слов, которое, формально оставаясь все тем же, оказывалось в иных условиях, в ином языковом окружении.

Рассмотрена будет одна из подобных словесных связей, бытующих в русских (и церковнославянских) литературных текстах с XII в. до наших дней, а именно *благорастворенный воздух* или близкая ей связь в форме устойчивого оборота *благорастворение воздушных* (оборот выделен в ССРЛЯ и объяснен: «О чистом, здоровом или наполненном ароматами воздухе») ⁸.

Слова *благорастворить* (*благорастворенный*), *благорастворение* не относятся к числу тех, которые можно считать насущно необходимыми и причислять к основному словарному фонду, но и такие слова, попав в литературный язык в глубокой древности, могут уцелеть в нем, продолжая служить для передачи известного смысла и экспрессии.

В богослужебных текстах XII—XIII вв. слово *благорастворенный* — в числе высоких, торжественных ресурсов лексики. Ср. «благорастворены въздухы даруя» (Стихирарь XII в.), «благорастворены дожде» (Служебник XIII в.) ⁹. Однако в ходе долгой истории образная и отвлеченная линия его развития не раз перемещалась с конкретной, даже и терминологической. Определение, которое дает глаголам *благорастворять*, *благорастворить* во второй половине XIX в. В. И. Даль, объединяет эти две линии. Оно таково: «соединять жидкости или воздушные частицы в полезный и приятный состав; образовывать из них благу смесь» ¹⁰. В первой части определения сделана попытка назвать отличительные признаки значения, присутствует и элемент оценки; вторая часть передает лишь его оценочно-экспрессивный характер. Ведь по логическому содержанию «благая смесь» и «приятный состав» — нечто мало определенное.

В словоупотреблении указанные линии не были объединены так, как они объединены в словаре, напротив, они расходились. Применение этих слов в переводной повествовательной литературе древности придавало их значениям известную конкретность. Так, в выдержке из византийского лексикона Свида X в., переведенной в XVI в. Максимом Греком ¹¹, говорится: «на нем же острове живут долгоживотнии, живут бо РН (150) лет за премногою чистоту и благорастворение аерное (διὰ τὴν πολλὴν καθαρότητα καὶ εὐκρασίαν τοῦ αἵρος)» ¹². У Свида, таким образом, дан отрыв-

⁸ ССРЛЯ, I, стлб. 472.

⁹ И. И. Срезневский, указ. соч., I, стлб., 102. «Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым Отд-нием Имп. Акад. наук» (1847), иллюстрирует слова анализируемой группы цитатами из молитв. Действительно, через молитвы слова эти вошли в язык, и специфичность применения закрепила за ними известную стилизовую окраску.

¹⁰ В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, I, М., 1965, стр. 93.

¹¹ «Повести различны, переводюшася от книги греческия, глаголемыя Суйдас, Максимом инокомъ святогорскимъ, ркп., ГПБ Сол. 310 (495), л. 639 об.

¹² В греч. εὐκρασία, ἡ «умеренная температура, мягкий климат», а также «хорошее состояние (τοῦ σώματος)». В старославянских переводах с греческого встречаем еще и другое соответствие словам с той же основой. Ср.: *благорастворение* (τὸ εὐκράσιον

вок одного из сказаний, объединившихся в древнерусской традиции с романом об Александре Македонском — «Слово о рахманех и о предивном их житии»¹³. Слово *благорастворенный* в текстах XII—XV вв. сочетается с наименованиями времени. Ср. в Минее праздничной (XII в.) — «благорастворено... время»¹⁴, в «Александрии» (по списку XV в.) — «благорастворены час».

В XVIII в.¹⁵ слова *благорастворенный*, *благорастворение* получают доступ в тексты научного и практического содержания и становятся терминами, словами четко отграниченных значений. Например, «благорастворенный, или умеренный пояс» («Книги о навигации», 1748), «растение же его требует по меньшей мере пяти месяцев благорастворенного воздуха» («Инструкция о засева табака», 1762). В сочинении Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии» (1762) дано даже объяснение воздействия благорастворенного воздуха на организм: «воздух благорастворенный, растягивая легкое без раздражения, дает чувство приятное»¹⁶.

В то же время в художественной литературе и в научных текстах, связанных с теорией речевого искусства, у слов анализируемой группы возникают разного типа отвлечения и переносы. Например, в рассуждении Тредьяковского по поводу стихосложения: «Согласие рифмическое отроческая есть игрушка, недостойная мужских слухов. Вымысел сей оледенелый есть гофический, а не еллинское и латинское благорастворенным жаром блистающее и согревающее окончательство» («Тилемах», предизъявление, 1761)¹⁷.

ἐὺναι) *благорастворѣн* (ἐὺ χέρατος bene mistus) (А. Х. Востоков, Словарь старославянского языка, СПб., 1858, стр. 20). Прилагательное ἐὺ-χέρατος «умеренный (о температуре воздуха); смешанный в правильной пропорции».

¹³ В русском списке этого слова, включенном в сборник с текстом так называемой сербской «Александрии», указана другая причина долгой жизни островитян: «За многую чистоту и благорастворении дождевнем» (список XV в., изд. по ркп. ГИПБ Кир. Бел. II/1088, лл. 483—483 об. («Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века», М.—Л., 1965, стр. 141), причем понятие «благорастворение дождевнем» раскрыто в словах «но мокрого и сладкого дождя и доброго насыщаются» (там же).

¹⁴ И. И. Срезневский, указ. соч., I, стлб. 102.

¹⁵ Использованы материалы из картотеки Словаря XVIII в. (находящейся в Словарном секторе ИО Ин-та русского языка АН СССР).

¹⁶ Возможны сомнения в том, была ли история слова *благорастворенный* непрерывной и есть ли вообще связь между его употреблениями в богослужебной литературе самой древней поры и использованием слова в текстах практического назначения в XVIII в. Не вернее ли считать новые переводы греческого ἐὺχέρατος вторичным рождением слова? Семантика анализируемого слова, действительно, складывалась под воздействием неоднократных и неодинаковых переводов с греческого, но слово сохранялось в языке. Следует учитывать главное: лексический запас каждого из владеющих языком, так же как и лиц определенного социального круга, всегда ограничен, но литературный язык функционирует не в речи отдельных лиц или социальных групп, он объединяет всю совокупность социальных членений народности или нации. Что касается слова *благорастворенный*, то оно, неизменно оставаясь в церковном языке, встречается и в текстах светского содержания XV и XVI вв. Трудно усомниться в том, что из молитв слово было известно переводчикам XVIII в., хотя они и применили его по-новому, в качестве термина, а не эпитета.

¹⁷ У Ломоносова слово *благорастворенный* — почти термин и в художественных текстах. Ср.: «Кроме сего увядает красота, бледнеет лице земное и во вретиче сетования вселенная облекается: без огня питательная роса и благорастворенный дождь не может снисходить на нивы» («Слово третье о пользе химии», 1757). В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева сочетание *благорастворенный воздух* встречается дважды: «Если хочешь благорастворенного воздуха, удали от себя копильню»; «Ночь была тихая, светлая и воздух благорастворенный вливал в чувства особую нежность». Эти применения слов не вполне адекватны. В одном из них на первом плане конкретное содержание, передаваемое теперь словами *чистый, свежий*, т. е. «ничем незагрязненный, часто обновляющийся», в другом подчеркнута эмоциональная сторона, то

В XVIII в. рассматриваемые слова употреблялись достаточно широко в разных жанрах, включая и научные сочинения и изящную словесность. Но вместе с тем лексические связи их не получили большого развития, они соотносятся с тем же кругом представлений (*благорастворенный воздух, аромат*¹⁸, *дыхание ветров*¹⁹, *дождь, влажность* и несколько сочетаний с отвлеченным или переносным значением типа *благорастворенный жар*). К концу XIX в. сочетаемость указанных слов ограничивается соединением со словом *воздух*, причем оно перестало употребляться в научном и деловом языке. К этому времени четкие границы трех стилей уже нарушены, высокий стиль утратил свое главенствующее место в литературном языке, развились и приобрели научную строгость терминологические системы. Эти процессы отразились на всей совокупности слов и значений литературного языка.

Оборот *благорастворение воздушных* и сочетание слов *благорастворенный воздух* встречается теперь лишь в художественной литературе. Две типичных возможности их применения описаны в ССРЛЯ. При слове *благорастворение* (с пометой *устар.*) дано выражение *благорастворение воздушных* (с указанием: *из церк.*). Пример: «[В Глупове] во всякое время года, когда угодно, тишина и *благорастворение воздушных*» (Салтыков-Щедрин, *Сатиры в прозе*)²⁰. Применение церковного термина в сатирическом произведении придает ему иронический оттенок и делает даже далекое от энциклопедических подробностей толкование (о чистом, здоровом или напоенном ароматами воздухе) излишне содержательным. Слово *благорастворенный* иллюстрируется в ССРЛЯ примером из Лескова: «Воздух был *благораствореннейший*, освещение теплое; с полей несся легкий парок...» («Соборяне»)²¹. Использование эпитета, освоенного в церковной литературе, согласуется с темой сочинения и настроением, которым оно проникнуто (роман из жизни духовенства). Оценочный характер значения слова *благорастворенный* поддержан применением формы превосходной степени в значении безотносительно большой меры признака, а также идущим вслед за этим словом эпитетом *теплый*. Содержание переносного значения слова *теплый* логически столь же не отчетливо, что и у слова *благорастворенный*. В лексикографии значения этого типа не получают категорических толкований, дается лишь примерное описание смысла²².

приятное ощущение, которое вызывает у человека свежесть атмосферы. Ср. в связи с этим смысл, который вкладывает в слово *благорастворение* Ф. Эмин: «Должно разбирать обстоятельно час вожделения и время нехотения, из сих двух крайностей проистекает удобность, которая человека будет содержать в настоящем *благорастворении*» («Приключения Фемистокла», 1763). На оценочной стороне значения сделан акцент и у Карамзина: «Альфонс, удалившийся с радостью от жарких и варварских стран Африки, пришел в восхищение, возвратившись в Европу, прибыв в Грецию, питаемую *благорастворенным воздухом*» (перевод из Жанлиса).

¹⁸ Встретилось в сб. «Пересмешник или словенские сказки» М. Д. Черкова.

¹⁹ Встретилось у М. В. Ломоносова.

²⁰ ССРЛЯ, I, стлб. 474. Пример поэтического преобразования этой связи встретился в стихах С. Маркова: «Увидел я орлов парение И пар, встающий от дубрав, Почуял *благорастворение цветов и неизвестных трав*» («Дон Сысой, или русские в Калифорнии», М., 1966). На этот интересный пример мне любезно указал М. В. Черепанов.

²¹ ССРЛЯ, I, стлб. 473.

²² В ССРЛЯ (XV, стлб. 316) слово *теплый* в указанном значении определено как «мягкий, приятный для зрения» («так тепел, уютен был желтый огонек в каком-то далеком окне». Сергеев-Ценский, Снег). Не случайно толкование начато словом *мягкий*, которое тоже при характеристике огня можно рассматривать лишь как образное в основе уподобление какому-то сходному по приятности ощущению («ослепительная для глаз белизна домов сменяется мягким розово-золотистым колером». Григорovich, Корабль «Ретвизан» — ССРЛЯ, VI, стлб. 1439).

Итак, та же самая связь слов может по-разному передавать значение. В одних случаях ясно выступают существенные признаки называемого словом класса предметов (разряда свойств). Их надо иметь в виду, чтобы понять выраженную во фразе мысль. В слове *благорастворенный* — это «растворенный с соблюдением пропорции (о составе, в том числе и о составе воздуха)». В других случаях на первом плане оказывается оценочный момент. Новый аспект значения вызывает потребность в ином определении. В нашем примере — это «благодный, приятный своей свежестью (о воздухе)».

Проникновение слова из бытового или художественного стиля в научный вызывает обработку его логического содержания в новом направлении, качественное изменение обиходного значения в специальное. И напротив, слово, попавшее из научного стиля в другие функциональные стили, утрачивает определенность отличительных признаков терминологического значения. На значение нередко наслаиваются экспрессивные оттенки. Стилистические нюансы могут перерасти в смысловые²³. Итак, значение оказывается преобразованным уже в силу того, что оно попало в другой стилистический или исторический контекст. Мысль о подобном обновлении, правда, не словесных значений, а языковых форм была высказана в свое время А. А. Потебней²⁴.

Анализ словесных связей, в которых реализуются значения слов, приводит, таким образом, к выводу, что многовековая устойчивость тех или иных из них не означает еще, что во все периоды они выражали одинаковое содержание и имели неизменную стилистическую приуроченность.

К сказанному добавим следующее. С тех пор как словари стали описывать значение не только путем определения его отличительных признаков, а выделяя типы словоупотребления, стало ясно, что эта часть описания не менее важна для характеристики значения, чем само истолкование. Если определить значение слова как формальное понятие²⁵, обусловленное в своем выражении системными отношениями словарного фонда языка в тот или иной период его развития²⁶, то вполне закономерно будет сделать акцент на второй части определения. Именно в ней говорится о том, в чем заключается процесс языковой объективации понятия, об условиях его реализации. Несомненна и прямая зависимость значения слова от его предметной соотнесенности.

3. Рассмотрение, посвященное истории отдельных связей слов, остается условным и в некоторой степени формальным, пока не разобран во-

²³ Указанное явление существенно для теории синонимов, которые принято различать по оттенкам либо смысловым, либо стилистическим, либо экспрессивным. Грани эти проявляют, однако, подвижность и взаимопроникаемость.

²⁴ «Прежде созданное в языке, — пишет А. А. Потебня, — двояко служит основанием новому: частью оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частью же изменяет свой вид и значение в целом единственно от присутствия нового». («Из записок по русской грамматике», I—II, 2-е изд., Харьков, 1888, стр. 125). Ср. и у Ф. де Соссюра: «Идея и звуковой материал, заключенные в знаках, имеют меньше значения, чем то, что есть кругом него в других знаках. Доказывается это тем, что значимость термина может видоизменяться без изменения как его смысла, так и его звуков, исключительно вследствие того обстоятельства, что какой-либо смежный термин претерпел изменение» («Курс общей лингвистики», М., 1933, стр. 119).

²⁵ В обычном определении термина «понятие» («логически расчлененная мысль, отображающая общие и существенные признаки предметов и явлений действительности») необходимо, как кажется, указать на непереносимость еще одного признака — словесной объективации понятий (в соответствии с учением И. П. Павлова о второй сигнальной системе).

²⁶ Об отношении формального и содержательного понятия к значению слова см.: С. Д. Кацнельсон, Содержание слова, значение и обозначение, М.—Л., 1965, стр. 18—25.

прос об исторической природе значения. Связи слов функционируют в пределах значений, качественно различных в разные периоды языка, исторична сама лексическая система.

Значение слова *ездить* — «перемещаться с помощью каких-н. (в принципе любых) средств передвижения». Развитие этих средств как технический процесс — явление экстралингвистическое. Казалось бы, что язык в подобных случаях не должен реагировать на перемены. Это можно и подтвердить тем, что слово сохраняет свое значение с древнейшей поры до наших дней. Тем не менее исторические словари в толковании значения слова *ездити* называют и способы езды. У Срезневского глагол определен «ездить (на лошадях и на судах)»²⁷, в Словаре «Слова о полку Игореве» — «передвигаться на чем-л. (верхом, на лодке, повозке)...»²⁸. Дело, однако, не в том, что перед нами попытка перечислить все средства, с помощью которых совершается езда²⁹.

Знакомство с древними материалами убеждает, что указание, о котором упоминалось, возникло по причине семантического порядка: езда верхом оказывается преимущественным, почти неизменным, однако, не всегда доминирующим признаком выражаемого словом понятия. Если отвлечься от этого признака или упустить его из виду, то смысловая структура анализируемого слова предстанет в виде ряда значений. Так и выглядит словарная статья на слово *ездити* в словаре «Слова о полку Игореве», где выделено пять значений³⁰.

При сравнении словарной статьи древнего *ездити* с описанием того же глагола в современных словарях³¹ получится результат, весьма далекий от того, что реально произошло. Окажется, что два значения сохранились, три утрачены. На самом деле изменения происходили в пределах первого значения, а именно «держат путь (верхом...), сверх которого и в древней структуре слова представлено еще лишь одно значение, соответствующее современному «уметь пользоваться средствами передвижения».

Семантика слов разных периодов развития языка не допускает механических соотношений. Древние значения существенно отличаются от современных. Различная направленность в применении значения глагола *ездити* «держат путь (верхом, на судне или в повозке)» в течение длитель-

²⁷ И. И. Срезневский, указ. соч., III, стлб. 1621.

²⁸ «Словарь-справочник ...», 2, стр. 64.

²⁹ Ср. в связи с этим такой пример словоупотребления, данный в словаре Срезневского без всякого добавочного комментария: «Хан же ездит на людах, а слонов у него и кони много добрых». Хож. Аф. Никитина (XV в...). Ср. также пример из Матфея Златой (XV в.), где речь идет об эллинах, едящих «на львоу колесници».

³⁰ Кроме указанного, еще такие: «занимать какое-л. место в конном строю и соответственно — в военной иерархии», «ходить в походы, отправляться на войну», «охотиться» («Словарь-справочник...», 2, стр. 64, 65). Два последних определения указывают не на характер действия, а на его цель, в них отсутствует как бы само собой понятное значение «верхом на лошади». Слишком широким оказывается и толкование значения «уметь пользоваться какими-н. средствами передвижения» (дано в словаре вторым). Ср.: «Александр же мужаашея възрастом, егда бысть двюнадесять лету, с отцем на воину хожаше, и на конех езя бяше». Александр., 17 (XV в. ~ XII в.). 1211: «Данилу же тогда детьску сущю, якоже можаше на [кони] ездити». Ипат. лет. (там же, стр. 64).

³¹ В ССРЯ у глагола *ездить* отмечены три значения: «передвигаться в различных направлениях, отправляться куда-либо с помощью каких-либо средств передвижения», «уметь пользоваться какими-либо средствами передвижения» и третье, просторечное, «двигаться, скользить по чему-либо; болтаться. О предметах». «Седло ездит» (III, стлб. 1253). Последнее из значений для нас несущественно, так как это частная линия семантического развития — один из переносов основного значения.

ного исторического этапа от XII по XVII в. может быть представлена в ряде спецификаций, или типов употребления:

а) Наиболее общий тип. «Княже: Конь, его же любиши и ездиси на нем, от того ти умерети». Пов. врем. лет (Радз.) (XV в. — начало XII в.); «Лутче есть утли лодии ездети, нежели зле жене тайны поведати». Сл. Дан. Заот. (начало XVII в. — XII в.)³².

б) «ходить в походы, отправляться на войну»: «... и возвратишася [половцы] к ватагам своим, и оттуду же ездячи, и почаша часто воевати по Рси с Кунтувдеемъ». Ипат. лет. «Замъкни, князь великий, от сих ворот, чтобы потом поганые к нам не ездили». Задон. Ист. — I (XVI в. — начало XVII в. — XIV в.).

В этом типе применения слова развился грамматический признак — соединение с предлогом *на* (*ездити на кого*) — формальное свидетельство спецификации значения. 1185: «Игорь же молвяшетъ Святославу мужеви: Не даи бог на поганые ездя ся отрещи: поганы есть всим нам обещь ворог». Ипат. лет. Конструктивная примета увеличивает степень определенности выражаемого смысла и несомненно вызвана потребностью его отграничения, но, как видим, не является обязательной. Есть и другие приметы формализации контекстов с военным содержанием, они придают глаголу *ездити* новые аспекты значения. В сочетании с обстоятельственными наречиями (*ездити как*) слово получает значение «сражаться (на коне)» с оценкой указанного действия. 1213: «Данил бо млад бе, и видев Глеба Зеремиевича и Семьюна Кудьниньского мужескы ездяща, и приеха к нима укрепляя и; и инии же устръмилися на бег». Ипат. лет.; «Князь великий Юри Ингоревич, видя братию свою и бояр своих и воеводе храбро и мужественно ездяще, и возде руце на небо со слезами». Пов. разор. Ряз. (XVI в. — XIV в.). В сочетании с порядковыми числительными — «занимать какое-л. место в конном строю и соответственно в военной иерархии»: «... четвертый же бе Александр ездя, по нем же Николаи... Александр». (XV в. — XII в.) Соответственно *ездити на переду* (*напереди*) означает «быть во главе дружины, войска», а *подле кого ездити* и *подле стремень ездити* — фразеологическая связь, которая, однако, не препятствует сохранению все того же общего значения «держат путь (верхом)» — «находиться в подчинении у кого-л.». 1185: «Ходиша бо князи русстии вси на Половци... Володимер же Глебовичъ, внук Юргев, ездяще напереду...» Лавр. лет. 1183: «Володимер же Глебовичъ посла ко Игореву, прося у него ездити на переди полком своим». Ипат. лет. 1148: «Зане ты еси старей нас, Володимирих внуцех, а за Рускую землю хочю страдати. и подле тебе ездити». Там же. 1152: «Ать ездить Мъстислав подле твои стремень по одиной стороне тебе, а я по другои стороне подле твои стремень еждю всеми своими полкы». Там же.

в) «охотиться»: «Но волю ему даяхуть, где хочеть, ту ездяшетъ и ястребом ловяшетъ». Ипат. лет.; «Да прислал бы еси их к нам кто бы умел со птицами ездити, а кречеты бы были узорочье ловцы». Крым. дела II (1518). В этом типе спецификации значения глагола снова встречается конструктивная примета в виде предлога *на* (*ездити на к.-н. зверя*). «На четвертое же лето на 10 ездяша прекрасный Девгеней на всякий зверь без оружия». Девг. Д. (XVIII в. — XII, XIII вв.). Необходимости различать формально *ездити на поганые* и *ездити на всякий зверь*, однако, не возникло. Аспект значения глагола определяет существительное, с которым сочетается предлог.

³² Пользуюсь цитатными материалами «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“», 2, стр. 64—67.

г) «направляться для сбора податей и для управления»: «А доколе сын мой Феодор подростет, а дотоле издит по моим селам брат мой Григорей в мое место, и людьми моими володеет». Дух. Ост. ок. 1386; «Владыце во Псков ездити по старине по свою пошлину». Псков. I л. 6974 г.³³

Среди рассмотренных примеров есть такие, где смыслового обогащения самого глагола *ездити* как будто не происходит, так как соответственная конкретизация значения выражена другими словами. Ср. в типе в): *Но волю ему даязуть, где хочет, ту ездяшет и ястрябом ловяшет*; в типе г): *ездити по свою пошлину* (т. е. ездить, чтобы собрать пошлину). (Однако и эти применения глагола получают известное ограничение смысла в ряду иных, где значение *ездити* включает в себя конкретизирующие признаки.) В других примерах спецификация не только присутствует, но и закреплена формально (*ездити на кого, на что, ездить как*). В третьих — ее можно вывести только из общего характера текста, из обстановки речи в широком смысле, и тем не менее она неоспорима. Ср. в типе в): *кто бы умел со птицами ездити* (охотиться с ловчими птицами); в типе г): *а дотоле ездит по моим селам брат мой Григорей в мое место*. Особенно показателен этот последний пример. Перед нами духовная грамота XIV в., и из истории феодального быта явствует, что речь идет о сборе податей в селлах, а не вообще о поездках по селам³⁴. Ср. с этим случаи применения *ездити* без указанной спецификации значения: 1259: «И почаша ездити оканьнии по улицам, пишпоче домы христьяньския». Новг. I лет.

Итак, для слова *ездити* прослежены различные типы конкретизации, или спецификации, единого значения (в данном случае «держат путь верхом, на коне»). Уподобляя эти членения тем, которые имеют место в смысловых структурах современных слов, их принимают за особые значения. Не есть ли, однако, специфика древнего *ездити* лишь следствие широты его семантики, которая и теперь проявляет себя в богатстве лексико-фразеологических вариантов? Недаром противники полисемии строят свои доказательства, исходя из анализа смысловых структур подобного типа³⁵.

Нерасчлененность древнего значения может наблюдаться не только у глаголов с широкой сочетаемостью типа *ездити*, но и у таких конкретных существительных, как например, *древо* (*дерево*). В стремлении отразить семантическую неоднородность употреблений словари и здесь пытаются разделить единое комплексное значение на несколько значений³⁶. Однако при определении значений слов в древнерусском языке нельзя исходить из характера значения этих же слов в современном русском языке. Судя по материалам, в смысловой структуре слова *древо* (*дерево*) существуют лишь два основных семантических деления, причем то и другое отмечается и у современного слова *дерево*, а именно: 1) «дерево (на корню)», 2) «древесный материал, идущий на изделия»³⁷. Первое из значений обладает, однако, рядом спецификаций, чего не бывает в смысловой структуре современных слов. Они таковы: а) Наиболее общий тип: «Боян бо вещи, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию

³³ Примеров типа г) не оказалось в словаре «Слова о полку Игореве». Пользуюсь цитатами из словаря Срезневского (т. III, стлб. 1624).

³⁴ Анализируемое слово не может здесь пониматься не только в общем смысле «держат путь (верхом)», но и в смысле «ездить с целью управления», как могло бы показаться, судя по второй части предложения: *а людьми моими володеет*.

³⁵ Чаще других привлекает внимание глагол *идти* и его английские, французские и иные соответствия.

³⁶ В словаре «Слова о полку Игореве» статья на слово *древо* состоит из четырех значений, причем при первом из них выделено три оттенка.

³⁷ При характеристике семантики слова *древо* пользуюсь материалами «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“», 2, стр. 47, 48.

по древу...» Сл. о п. Иг. ³⁸; б) «бревно, брус, столб» ³⁹: «А та уже церкви ветха, и двинулися своды ея, древом убо подкреплени быша». Ник. лет. (XVI в.); «Убиша его... и главу ему отсекоша и на высокое древо взоткнули». Курб. Ист. (XVII в. ~ XVI в.); в) «поленья, дрова» (собр.): «И суха дрова и смолна подложив с серою, и зажег възвратися: Древу же възгоревшюся, умякче земля...» Флав. Полон. Иерус. (XVI в. ~ начало XII в.); г) «палица, палка»: «Июдеи же, обступльше и купно, пободоша оружии и копии, и окшевами и камением бяхуть и древом». Флав. Полон. Иерус.; «И повеле суковатыми древы бити его...» Великие Минеи-четьи (XVI в.); д) «шест с насаженным копьем, древко»: «Един же от разбойник удари Никандра копейным древом». Ж. Никандра Крыпецк. (XVI в. ~ 1582 г.). Возможность разной конкретизации одного смыслового комплекса — в наличии общей основы: а) дерево (на корню); б) то же дерево, но срубленное и обтесанное; в) то же дерево, но расколотое на куски, употребляемые как топливо; г) кусок дерева, приспособленный или применяемый как орудие; д) кусок дерева, применяемый как оружие ⁴⁰.

Анализ смысловых структур слов *ездити* и *древу* имел целью показать, что при исследовании значений слов о круге реальных применений слова, неодинаковом в разные периоды функционирования языка, столь же существен, как и определение признаков объектируемого в значении понятия. Исторически изменчив и характер самих значений. Приметы семантической архаики, как и семантического развития, обнаруживаются в разной степени и в разных формах.

Основной стимул перегруппировки звеньев и элементов лексической системы, ее совершенствования и обогащения — смена представлений о реальном мире. Цель семасиологического исследования, если оно охватывает значительные периоды истории языка, — вскрыть ход развития от синкретических значений древности, «семантического конгломерата» к специализированной и дифференцированной системе четко разграниченных понятий ⁴¹.

³⁸ Применение слова во множественном числе создает в известных контекстах отгенок значения «о лесе».

³⁹ Такое толкование дано одному из значений в словаре «Слова о полку Игореве». Соединение трех слов, имеющих разные значения, в одном толковании само по себе говорит об отсутствии четкости семантических границ между примерами употребления слова *древу*, отнесенными к этому членению.

⁴⁰ Слово *древу* в соединении с относительным прилагательным *копейный* образует название части оружия.

⁴¹ Б. А. Ларин, О признаках семантической архаики, «Тези доповідей у міжвузівської республіканської славістичної конференції». Ужгород, 1962, стр. 75—76.